

«ЭПАТАЖНЫЙ» ХАРАКТЕР МЕТАФОРИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В ПОЭЗИИ РУССКИХ ФУТУРИСТОВ

Статья посвящена анализу метафорических образований, входящих в структуру футуристического текста, использование которых способствует созданию эпатирующего эффекта. Автором вводится понятие «эпатажной» метафоры, дается классификация «эпатажных» метафор. Особое внимание уделяется анализу группы метафор, представляющих описание образа человека.

Характерной чертой творчества русских футуристов – «поколения новаторов» в области поэтического языка – стала попытка активизировать читателя, слушателя, зрителя, от которого поэты ждали удивления, возмущения, негодования. Такую возможность им давало выступление в обстановке скандала. Под скандалом мы, вслед за М. Эпштейном, понимаем «опрокидывание устоявшихся общественных норм, обнажение более глубокой парадоксальной системы ценностей, где высокое принимает обличье низкого» [9, 223].

В последнее время все чаще приходится слышать об эпатаже как характерной черте футуристического творчества. При этом, как правило, сквозь призму эпатажа рассматривается лишь поведение поэтов во время выступлений, презентаций своих произведений, а также сборников. Однако мы считаем, что эпатаж обнаруживает себя и в поэзии футуристов. В частности, сквозь призму эпатажа необходимо рассматривать также футуристические тексты. Анализ поэзии русских футуристов позволил нам сделать вывод, что на лексическом уровне в их текстах функционируют особые лексические единицы, использование которых приводит к возникновению эпатажа. Так, например, возникновению эпатажа на текстовом уровне способствует использование метафоры. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей футуристической метафоры, описывающей человека, в аспекте создания ею эпатирующего эффекта.

Метафора возникает при уподоблении одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств и действий, характеризующих эти явления. Однако метафоры, используемые футуристами, иногда настолько неожиданны, что определить основание метафорического переноса оказывается довольно сложно (например, метафора Д. Бурлюка *звезды – знойная живая съть*). Многие ученые счи-

тают, что метафорические переносы осуществляются в определенных направлениях из одной семантической сферы в другую. В частности, Г.Н. Складаревская выделяет схемы метафорического переноса:

- предмет – предмет;
- предмет – человек;
- предмет – физический мир;
- предмет – психический мир;
- предмет – абстракция;
- животное – человек;
- человек – человек;
- физический мир – психический мир [6, 80].

Обратившись к поэтическому наследию футуристов, мы обнаружили, что на лексическом уровне в нем нашли выражение все названные ученым схемы метафорического переноса. Однако созданию эпатирующего эффекта способствуют только следующие схемы: «предмет – предмет» (*звезды – черви*), «предмет – человек» (*поцелуи – окурки*), «предмет – физический мир» (*идеи – трамваи с публикой*). Следует сделать замечание: при анализе футуристической метафоры, создающей эпатирующий эффект, нами были выделены схемы метафорического переноса, не названные Г.Н. Складаревской. Так, схемы «человек – явление природы» (*ночь – негодяйка, у облачка гримаска на морщинке ротика*), «человек – город» (*улицы – ресторанные пропойцы и моты, мозги черепа – улицы города*) являются средством возникновения языкового эпатажа.

Метафоры, создающие эпатирующий эффект, мы будем называть «эпатажными» по аналогии с имеющимися в науке терминами – «оценочная», «образная», «экспрессивная», «концептуальная» метафора (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.Г. Гак). «Эпатажные» метафоры используются футуристами для описания различных реалий действительности. Анализ поэтических фрагментов, содержащих «эпатажную»

метафору, позволил выделить три группы таких метафор: 1) метафоры, используемые для описания Вселенной; 2) метафоры, используемые для описания города; 3) метафоры, используемые для описания человека.

Объектом метафорических описаний в произведениях русских футуристов очень часто становится человек. Взгляд на человека с позиций лингвистики представлен в работе Ю.Д. Апресяна «Образ человека по данным языка: попытка системного описания». Так, автор исследования утверждает, что в русской языковой картине мира человек мыслится прежде всего как существо динамическое, деятельное, которому свойственны определенные состояния и эмоции [1, 352].

Ю.С. Степанов в словаре «Константы. Словарь русской культуры» указывает на то, что существуют три наиболее естественных параметра человека, присутствующие во всех культурах и во многих из них концептуализированные, т.е. имеющие собственные особые формы выражения: человек в отношении к миру и Богу, человек в отношении к себе подобным и человек в отношении к обществу [7].

В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных анализу футуристических текстов, представляющих отношение человека к Богу. Особенностью данных исследований является их однонаправленность: авторы отмечают лишь богоборческую линию в творчестве поэтов-футуристов. Однако тексты с ключевым концептом Бог представляют интерес также для анализа лексического уровня. Так, В. Хлебников показывает отношение человека к Богу, используя принцип контекстной полисемии: *Журавль, к людским при-страстясь обедням, / Младенцем закусывал последним* («Журавль»). Лексема *обедня* в современном русском языке имеет только одно значение – «церковная служба утром или в первую половину дня, во время которой совершается обряд причащения, литургия» [4, 426]. Но в данном примере она синонимична лексеме *обед*, употребленной в значении «прием пищи, обычно в середине дня» [4, 426]. В результате использования принципа контекстной полисемии происходит снижение сакрального образа Бога.

Следует отметить, что снижение как творческий прием используют многие футуристы. О различных видах снижения в творчестве футуристов пишет Д.Э. Мильков: «Снижение традиционно «высоких» образов, сниженная лексика манифестов, публичных выступлений, допущение низовой лексики в художественные тексты <...> – все это должно было в частности служить отрицанию бесплотной символистской поэтики и проникнутого мистицизмом символистского мировосприятия. <...> Футуризм ориентировал читателя, в первую очередь, на переживание формы, иногда исключительно формы» [3, 10-11]. Например, в строках *Ис каплями ливня на лысине купола / скакал сумасшедший собор* («Я») В. Маяковским используется несколько видов снижения. Во-первых, снижается сама ситуация, представляющая «высокий» образ¹, – снижение основано на основе экстралингвистических факторов. Во-вторых, по-этому используется эмотив *сумасшедший*, содержащий сему отрицательной оценки, который не может быть употреблен для описания собора. В-третьих, в данном фрагменте использована антропоморфная метафора сниженного характера (*лысина купола*).

Итак, приведенные примеры доказывают, что характерным при описании отношения человека к Богу является стремление к снижению ситуации, цель которого – показать равновеликость поэта Богу. Анализ фрагментов, содержащих другие два «параметра» человека, выделенные Ю.С. Степановым, показал, что поэтами не проводится четкая граница между описанием отношения человека к себе подобным и отношения его к обществу. Поскольку для нас представляют интерес фрагменты с использованием «эпатажных» метафор, то мы выделили другие параметры: представление внешнего образа человека и описание его внутреннего состояния.

Прежде чем начать анализ метафор, составляющих фрагменты названных групп, отметим следующее. При анализе футуристического творчества нами была обнаружена «эпатажная» метафора, которая не может войти ни в одну из названных групп: В. Маяковский метафорически изобразил процесс рождения человека:

¹ Лексемы *купол*, *собор* являются экспликаторами микроконцепта «Церковь», входящего в состав макроконцепта «Бог» (согласно Е.В. Сергеевой), сакрального для русского народа.

От страсти извозчика и разговорчивой прачки
Невзрачный детеныш в результате вытек.

«Гимн критику»

Эпатирующий эффект, возникший в результате употребления глагола в метафорическом значении, усиливается за счет привлечения эмотивной лексики. Так, лексема *детеныш* может быть употреблена только при характеристике молодого животного (Ожегов, с. 163), ее использование по отношению к человеку служит целью показать пренебрежительное отношение автора к описываемому явлению. Содержит в себе сему оценки и прилагательное *невзрачный*, которое, употребляясь с лексемой *детеныш*, создает эпатирующий эффект.

М.А. Хромова, проанализировав антропоцентрические метафоры и сравнения в поэзии другого футуриста – В. Хлебникова, пришла к выводу, что они строятся по четырем признакам:

- на основе сходства формы;
- на основе сопоставления аналогичных действий;
- на основе сопоставления цвета;
- ассоциативного сходства [8, 129].

Мы считаем, что выделенные исследователем признаки могут быть отнесены к метафорам, использованным всеми футуристами, причем эпатирующий эффект возникает вне зависимости от признака, лежащего в основе метафорического переноса. Проанализировав творчество В. Маяковского с позиции наличия в нем метафоры, используемой для описания человека, мы заметили, что поэт чаще всего использует метафорический перенос для описания глаз. Обратимся к примерам:

Глаза у судьи – пара жестянок
мерцают в помойной яме.

Маяковский В. «Гимн судьбе»

Встревоженная ожила *глаз масса*,
гору взоров в гроб бросили.

Маяковский В.

«Чудовищные похороны»

Несло же, палимому, бровей коромысло
из *глаз колодцев* студеные ведра.

Маяковский В.

«Несколько слов о моей жене»

И. Северянин и Д. Бурлюк, описывая лицо человека, уделяют внимание такой его составляющей, как рот, называя его при этом устаревшим словом уста. Однако интерес для нас представляет используемая поэтами метафора:

Его душа – заплеванная Грааль,

Его уста – *орозенная язва*...

Северянин И. «Оскар Уайльд»

Уста – *увядающая затея*,

Глаза – безжизненный кристалл.

А зубы – белая аллея...

Бурлюк Д.

«Я не владел еще тобою»

И. Северянин, называя уста язвой, употребляет эпитет *орозенная*, являющийся окказионализмом. Данное причастие является формой глагола *орозить*, имеющего значение ‘сделать подобным розе’. Однако слово *язва* в первом значении называет заболевание. В данном случае возникает эпатирующий эффект в результате употребления несоотносимых по значению слов, одно из которых – окказиональное образование. Иначе построена метафора Д. Бурлюка. Даже при описании человека он обращается к теме смерти, о чем свидетельствуют использованные им эпитеты *увядающая* (об устах), *безжизненный* (о глазах).

Следует данной традиции Д. Бурлюка и И. Северянин, употребляя в стихотворении «Паллада» метафору, тяготеющую к теме смерти: *Иэтот рот – бесчисленных прахов урна*. Безусловно, любое сравнение части тела человека с каким-либо предметом или явлением, относящимся к смерти, способствует возникновению эпатажа.

Отличительной чертой творчества В. Маяковского является то, что, создавая метафору, поэт переносит признаки природных метаморфоз в сферу лирических переживаний:

Лосем обернусь,

в провода

впугаю голову ветвистую

с налитыми кровью глазами.

Да!

Затравленным зверем над миром выстою.

Особой выразительности поэт достигает при создании образа, взятого из живой приро-

ды и сопоставленного с явлением из той же области, но противоположного свойства: *Всех нешиходов морда дождя обсосала*. Неуютное самочувствие, по мнению М.В. Лобановой, передано ассоциацией дождя со звериной мордой [2, 170]. Однако мы не согласны, что в данном случае поэт проводит ассоциацию со звериной мордой. В. Маяковский очень часто использует лексему *морда*. Но в первом значении – ‘передняя часть туловища животного’ – она, как правило, в его текстах не употребляется. Предикат *обсосать* также не может свидетельствовать о том, что перед нами зооморфная метафора, так как данная лексема у футуристов используется для описания действия человека.

Д. Бурлюк даже при описании внешнего вида человека использует метафоры, составляющие лексико-тематическую группу «Смерть». Так, в стихотворении «Зазывая взглядом гнойным...» поэт рисует образ больной, умирающей женщины:

Зазывая взглядом гнойным
Пеной желтых сиплых губ
Станом гнутым и нестройным
Сжав в руках дырявый куб
Ты не знаешь скромных будней...

Эпатирующий эффект возникает в результате использования оценочного прилагательного *гнойный* (ассоциация основана на цветовом сходстве), развернутой метафоры *пена желтых сиплых губ*.

Эмоциональное состояние лирического героя передано при помощи метафоры у В. Маяковского в произведении «Любовь»:

В облачные пары сквозь солнечный угар
врезалось бешенство ветряной мазурки,
и вот я – озноенный июльский тротуар,
а женщина поцелуи бросает – окурки.

Данный отрывок создает очень сильный эпатирующий эффект, что связано с функционированием в нем большого количества компонентов «эпатажной» лексики. Так, Маяковский в этом четверостишии использует одно окказиональное образование (*озноенный*) и несколько метафорических переносов. Первый метафори-

ческий перенос описывает состояние природы. Словосочетанием *ветряная мазурка* обозначается внезапный порыв ветра, причем указывает на эту внезапность и предикат *врезаться*. Однако наибольшая эмоциональность обнаруживается во второй части данного фрагмента. Здесь поэт использует сразу два метафорических переноса, причем оба описывают человека. Состояние лирического героя – мужчины – представлено развернутой метафорой *озноенный июльский тротуар*. Как видим, в данном фрагменте содержится указание на высокую температуру (июль – самый жаркий месяц в году), проецируя его на человека, получаем: лирический герой испытывает состояние влюбленности. Второй герой – женщина – представлен поэт очень грубо, причем данная грубость создается за счет использования метафоры *поцелуи-окурки*.

Эмоциональное состояние радости показывает И. Северянин в стихотворении «Тина в ключе»:

Живой радостью обрызганы
Глаза изласканной сестры.

Причастие *изласканный* является формой окказионального глагола *изласкать*, лексическое значение которого ‘наделить в изобилии лаской’. На то, что девушка испытывает радостное состояние, указывает метафора *живую радостью обрызганы глаза*.

...хихикала чья-то голова,
выдергиваясь из толпы, как старая редиска.
Маяковский В.
«Ничего не понимают»

В данном отрывке мы встречаемся со сравнением: человеческую голову Маяковский сравнивает со старой редиской. Такое сравнение позволяет нам сделать предположение, что речь идет о пожилом человеке. Однако в литературе имеются и другие примеры описания человека. Так, А.С. Пушкин сравнивает голову с яблоком: *седая голова, как яблоко, по груди покатилась* («Монах»).

Тяжелое душевное состояние лирического героя представлено в творчестве В. Шершеневича различными метафорами:

А тоска обгрызает у души моей ногти.

«Бледнею, как истина на столбцах газеты»

Душа только пепельница, полная окурков
пепельница!

Так не суйте же туда еще, и снова, и опять!

«После незабудочных разговоров
с угаром Икара»

В языке закрепилось метафорическое словосочетание *совесть грызет*. Его можно перенести и на такое абстрактное понятие, как тоска. Но поскольку у нас предикат имеет при себе

распространение – *обгрызать ногти у души*, то создается эпатирующий эффект. Во втором фрагменте используется субстантивная метафора *душа – пепельница*, которая также приводит к возникновению эпатажа.

Итак, анализ метафор, представляющих образ человека, позволяет говорить о том, что футуристами очень часто используются «эпатажные» метафоры. При этом большая часть таких метафор представляет описание внешнего вида человека. Душевное состояние лирического героя при помощи «эпатажных» метафор описывается крайне редко.

Список использованной литературы:

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. В 2-х т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – 768 с.
2. Лобанова, М.В. Истоки и функциональное значение тропов в ранней поэзии В. Маяковского / М.В. Лобанова // Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе: Третий совместный сборник научных статей. – М.: МГОУ, 2003. – С. 166-172.
3. Мильков, Д.Э. Русский литературный авангард: поэтика жеста (символизм – футуризм – ОБЭРИУ): Автореф. дисс. ... канд. филол. н. 10.01.01 / Д.Э. Мильков. – СПб., 2000. – 21 с.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. доп. – М.: «ИТИ технологии», 2003. – 944 с.
5. Сергеева, Е.В. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе / Е.В. Сергеева. – СПб.: Наука, САГА, 2002. – 192 с.
6. Склярская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Склярская. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
7. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001.
8. Хромова, М.А. Метафоры и сравнения, характеризующие человека, в языке поэзии В. Хлебникова / М.А. Хромова // Творчество Хлебникова и русская литература: Материалы IX Международных Хлебниковских чтений. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2005. – С. 127-129.
9. Эпштейн, М. Об авангардизме // Эпштейн М. Парадоксы новизны. М., 1988. – С. 399.